

ПРОБЛЕМАТИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИМУЛЯКРОВ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Симулякр, образование, постмодерн, дигитальная нравственность

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблемам современного образования. Обосновывается позиция о том, что образование в обществе постмодерна превратилось в симулякр, практически уничтожено или подвергается уничтожению. Причиной деформаций и разрушения образования, резкого падения его качества является разрушение нравственных основ воспитания и обучения: замена духовно-нравственных ценностей принципами «дигитальной нравственности»: прагматизм, соперничество и отчуждение в отношениях между людьми разрушают образование и воспитание, превращая образование и образовательные реформы в симулякры.

Arpenteva Mariyam Ravilevna

THE PROBLEMS OF EDUCATIONAL SIMULARE

KEY WORDS: Simulacrum, education, postmodern, digital morality

ABSTRACT. The article is devoted to the problems of modern education. Substantiates the position that education in the postmodern society has become a simulacrum, virtually destroyed or are destroyed. The cause of deformation and destruction of education, the sharp decline of its quality is the

destruction of the moral Foundation of education and training: the replacement of moral values the principles of "digital ethics": pragmatism, rivalry and estrangement between humans are destroying education, transforming education and educational reform in the simulacres.

Современная цивилизация, в различных источниках нередко называемая «постмодернистской», представляет собой реальность, насыщенную многочисленными дилеммами, побуждающими образующих ее субъектов определиться с выбором: какую позицию занять в многообразии и почти хаосе ценностных ориентаций, социально-политических течений, какую социальную нишу выбрать и каковы будут последствия этих выборов. Современная эпоха часто называется магической: это эпоха «минималистской морали, свободной от каких-либо предписаний» постмодернистской неопределенности как множественности истины, алеаторного распространения ценностей.

Характеризуя специфику взаимоотношений в пространстве постмодерна, Ж.Бодриар [2] говорит о них как о симуляции: ни собеседников, ни смысла сообщений уже не существует. Симулякр – это имитация несуществующего. «Симулировать - значит делать вид, что имеешь то, чего нет на самом деле», «Здесь играют в то, будто говорят друг с другом, слушают друг друга, общаются, здесь разыгрываются самые тонкие механизмы постановки коммуникации. Контакт ради контакта становится родом пустого самособлазна языка, когда ему уже просто нечего сказать». Однако, «В своей основе насилие, как и терроризм, не событие, а скорее отсутствие события, принимающее форму взрыва, направленного внутрь: взрывается политическая пустота (а не злоба той или иной группы людей), молчание истории (а не психо-

логическое подавление индивидуумов), безразличие, безмолвие» [1, с. 113].

Задача философа и педагога в этой ситуации – раскрыть, изобретать новые возможности жизни (перспективизм), позволяющие отделить симулякры от реальности [4]. Перспективизм как понятие позволяет объяснить образы и ценности современного мира, силы, которые в нем действуют (Недорога В.А., 2001), исходя из того, что этот мир обезбожен. По мере секуляризации принципы неотчуждаемых прав человека превратились в права индивидуума - вне его связи с Богом. Охрана свободы личности трансформировалась в защиту своеволия и в требование гарантий определенного уровня существования личности и семьи от государства. В системе современного светского понимания гражданских прав человек трактуется как самодостаточный и самодовлеющий субъект. Когда же материальные возможности не обеспечивают должного уровня жизни, то человеку неоткуда взять сил, необходимых для преодоления возникших трудностей, а помощи ждать неоткуда. Однако, согласно канонической модели, вне Бога существует лишь человек падший, далекий от идеала нравственного совершенства («се, Человек!»). Для нравственного сознания идея свободы и прав человека неразрывно связана с идеей служения. Права нужны прежде всего для того, чтобы, обладая ими, человек мог осуществить свое призвание к «подобию Божию», исполнить долг перед Богом и другими людьми.

Постмодерн отвергает эту модель, это - эпоха нигилизма, эпоха, наступившая после “смерти Бога”: “Мир для нас скорее еще раз сделался “бесконечным”, поскольку мы не можем ему отказать в возможности заключать в себе бесконечные толкования”. Уникальная и единственная перспектива, перспектива мира, заданная Богом, в сознании челове-

чества распалась, став лишь фикцией, вместе с нею и распалась иллюзия единства бытия, а затем - и само бытие. Открывшийся хаос, однако, можно толковать как лишь иной вид перспективности бытия, ждущий очередной обладающей волей к власти интерпретации. Сосуществование множества перспектив – реальных и потенциальных точек зрения определяется тем, насколько точно воля к власти каждого видящего направлена на мир и объекты, с какой силой она себя в них утверждает, пытаясь их завоевать. Даже вещь - лишь точка зрения на мир. Сражение идеологий вырастает в сражение людей. Сфера действия каждого субъекта пульсирует, то расширяясь, то сужаясь, смещается, будучи то господствующей, то подчиняющейся, вплоть до исчезновения, полной утраты воли к власти. Человека сменяет сверхчеловек как новая точка зрения по отношению к человеку. Однако, в варварском образовании, сверхчеловека заменяет его имитация, симулякр, нуждающихся лишь в симулякре образования, а не в образовании. Особенно явно это заметно в сфере гражданского образования, «павшего» жертвой симулякров постмодерна, современной магии пустых в смысловом отношении контактов, ранее остальных, и, вместе с тем, продолжающегося быть ареной групповых и индивидуальных сражений. Варварское образование и воспитание как один из ведущих компонентов воспитания, «оттолкнувшись» от идеи социального служения в настоящее время пришло к идее социального потребления, в список потребляемого включены само общество, его члены, включая человека, а также жизнь в целом [3].

Одно из наиболее важных измерений исследования развития общества связано с выбором между 1) социальным служением, альтруизмом, помощью другим людям, служению обществу в целях его совершенствования и гармониза-

ции, 2) социальной аномией и равнодушным «присутствием» в обществе как реальности, не требующей и не нуждающейся в развитии и преобразовании, и 3) социальным каннибализмом, связанным с потребительской ориентацией в отношении общества и его членов, нацеленностью на получение бесконечных персональных выгод, «голодные игры» с соперниками и подавление слабых. Совершая этот выбор, человек в большей или меньшей степени осознает, что последствия данного выбора окажутся решающими для его жизни, а также жизни его семьи, рода, общества. Вместе с тем, перспективы этих выборов существенно различны: социальное служение обеспечивает человеку, его семье, роду подчас трудное, но более или менее стабильное развитие, совершенствование. Выбор аномии – удовлетворение инстинкта защищенности при стратегическом «угнетении» инстинкта выживания, человек «жертвует» развитием рода и, во многом, семьи в пользу сиюминутного собственного комфорта и успеха. В случае социального каннибализма, пропагандируемого идеологией «голодных игр», под ударом в стратегической перспективе оказываются оба инстинкта – выживания и защищенности. Однако, на внешнем уровне, социальный каннибализм как нормативная стратегия жизнедеятельности правящей «элиты», позволяет достигать успехов, власти, «административный восторг» и даже псевдотворчества. Как писал Ю.Хабермас [5] преодоление «диктата необходимости», возможность жить в роскоши как избыточном, ресурсном состоянии, позволяет человечеству развиваться. Однако, «роскошь» выбравших нишу социального каннибализма «съедает» и так скудный ресурс нравственной позиции человека, полностью перекрывая возможности развития не только данного человека, но и его семьи и рода. Истинная «роскошь» возникает в процессе обмена - человеческого взаимо-

действия – привносящего в жизнь каждого из служащих друг другу новизну, неизвестную и не являющуюся насущной необходимостью как таковой. Дарение как компонент дискурса служения в постмодернистскую эпоху отражает «роскошь» человеческого бытия: в той мере, в какой субъект способен дарить и/или отдавать (добровольно или хотя бы принудительно), разделять с другим, что-то важное, ценное для него, в той мере он обеспечивает себе при внешнем «угнетении» инстинктов выживания и продолжения рода, свое, семьи и рода совершенствование.

Социальная аномия как мир равнодуший, мещанского отрицания чьих-либо нужд и желаний, кроме собственных, как известно, является опорой фашистских режимов и течений. Различие лишь в том, что в фашизме прошлого социальный каннибализм не был поставлен как организующая идея отношений человека с обществом – в центр: она существовала «наряду» с остальными идеями, включая «евгенику» как идеологию превосходства, служившую основой решения о рациональности и легитимности подавления и уничтожения других. В социальном каннибализме легитимность не требуется: подавление и уничтожение других есть «смысл в себе», самостоятельная, антигражданская идеология. Аномия является псевдогражданской идеологией, истинно гражданской является лишь социальное служение, еще только начинающее свое становление, в том числе в воспитании.

Термином социальное служение, как правило, обозначают деятельность, осуществляемую общественными организациями и добровольцами, благотворителями, в отличие от социальной работы, выполняемой государственными организациями. Служением принято называть определенный род человеческого делания, которое может осуществляться в любой человеческой деятельности, но отличается по внутрен-

нему содержанию, идеологии и мотивации. Принцип служения был всегда известен в человеческом мире и означал выполнение человеком предусмотренных определенной процедурой действий, более или менее вынужденных по необходимости для другого лица, высшего по иерархическому, имущественному, возрастному и т.п. признакам. В служении личность может увидеть и пережить как ценность собственное бытие и бытие других личностей, собственной семьи, своего народа. В служении личность обретает гораздо возможности осуществления себя в соответствии со своим предназначением. Тогда создается подлинная жизнь человека, ответственность любви, благотворения. Наиболее простым видом социального служения является обычная взаимопомощь. Самые простые ее виды - аналоги видов подвижнического служения. Во-первых, потому, что в них проявляется любовное отношение к другому лицу. Во-вторых, забыв о себе, человек видит перед собой лицом к лицу человека другого и его нужду. В-третьих, потому что стремится исполнить нужду этого человека и помочь ему, послужив необходимым образом. Благотворительность – проявление сострадания к ближнему и нравственная обязанность имущего спешить на помощь неимущему, немощному. Благотворительность – общечеловеческое движение, включающее совокупность гуманитарных действий отдельного человека, организации, обществ и т.д. В их основе - стремление проявить любовь не только к ближнему, но и к незнакомому человеку, оказать безвозмездную помощь нуждающимся и социально незащищенным гражданам. В современном понимании благотворительность означает предоставление помощи лицам и организациям, участие в улучшении жизни больных и бедняков, немощных и отвергнутых жизнью. Она подвижна милосердием. Милосердие - это инициативное, активное прояв-

ления к человеку сострадания и любви. Состояние, когда милосердным человек становится не во имя себя или даже другого, а «ради Христа», ради жизни. Милосердие побуждает заботиться о благополучии и спасении ближнего. Оно существует благодаря возникающим в процессе взаимодействия людей «конъюнктивным» переживаниям – объединяющим и сближающим, сорадованию, состраданию.

Служение – это «служение любви»; совершая социальное служение, человек жертвует, страдает, помогая понять тайну страдания – «полюбить свою болезнь» больным; делает дела милосердия – совместные дела всех добровольцев, подлинное служение осуществляется в тайне, «не пиаром, а подвигом». С понятием "социальное служение" ассоциируются такие слова как социальная помощь, взаимопомощь, благотворительность, милосердие, гуманизм, волонтерство, альтруизм, толерантность и т.д

Добровольческая деятельность — это форма социального служения, осуществляемая по свободному волеизъявлению граждан, направленная на бескорыстное оказание социально значимых услуг на местном, национальном или международном уровнях, способствующая личностному росту и развитию выполняющих эту деятельность граждан добровольцев.

Она включает миротворчество – деятельность, направленную на преодоление конфликтов, возникающих между различными группами населения по этническим, религиозным, культурным признакам, правозащитную деятельность - защиту прав человека, поддержку и защиту тех, чьи права нарушаются и кто не может их защитить по различным причинам, социально-психологическую и гуманитарную поддержку - оказание помощи в формировании социально значимых качеств, в развитии жизненно важных навыков и уме-

ний, включая ликвидацию неграмотности, информирование, пропаганду культуры.

Однако государство мало внимания обращает на развитие общества и внедрение законов, отстаивающих нравственность. Поэтому серьезных препятствий распространению античеловеческой идеологии в постсовременном мире не много: лишенное нравственных опор гражданское сознание быстро исчезает: человек фокусируется сначала на своей семье, потом – на собственной выгоде, потом – на сиюминутных удовольствиях. В основе давления, которому подвергаются нравственные ценности населения, лежат два следующих момента: крушение системы регулирования индивидуальных желаний, в результате чего личность начинает хотеть больше, чем она может добиться в рамках данной социальной структуры. Это приводит к попыткам изменения структуры, переходу от общества «развитой демократии» к откровенному рабству и геноциду. На стадии социального каннибализма регулирование индивидуальных желаний выражается лишь в том месте, в котором начинает рушиться семья и род социального преступника: включаются механизмы саморегуляции, оборачивающие деструкцию в отношении других людей против тех, кто занимался ею, а также – укрепляющие позиции тех, кто жертвовал и служил, соблюдая нравственные нормы, даже перед лицом смерти и невозможности непосредственного воспроизводства.

В процессе вузовского воспитания демонстрация студентам важнейших точек «трифуркации» - выбора между тремя выделенными идеологическими структурами, осмысление возможностей и издержек массового образования в рамках каждой из систем, позволяет хотя бы отчасти снять основные проблемы, могущие возникнуть в процессе профессионального и личностного становления и развития.

Литература:

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. - С. 113
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – Тула: Тульский полиграфист, 2013. – 204 с.
3. Мазурова Л. Потребитель нынче в дефиците? // Литературная газета. – 2008. – №32. – 8 августа.
4. Недорога В.А. Перспективизм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т.3. / Под редакцией В. С. Стёпина. - М.: Мысль, 2001.
5. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2003. – 410 с.